

*И.И. Янушевич (Белорусский государственный университет,  
Минск)*

## **РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В БЕЛАРУСИ (1917–1927 ГГ.)**

Приход к власти в России в конце второго десятилетия XX в. практически любой новой политической силы в той или иной степени должен был изменить положение Православной церкви. Внешним поводом столь критического отношения левых к церкви было недовольство тем обстоятельством, что Священный Синод с верхушкой православного клира превратились в своего рода карательно-цензурный орган, преследующий лишь цель извлечения личных материальных благ. Подводным камнем противостояния было яростное сопротивление православных иерархов и клириков распространению привнесённых извне политических и религиозных учений и идей. Утверждение во власти в России нового, атеистически настроенного, руководства повлекло за собой кардинальные изменения в положении РПЦ. Вместо государственной поддержки на церковь обрушились жесткие политические гонения, имевшие целью ликвидацию Православной церкви как социального института и уничтожение религиозных верований как мировоззренческой позиции.

Как верные марксисты, лидеры РСДРП предполагали на практике осуществить теоретические выкладки К. Маркса, Ф. Энгельса,

В.И.Ленина без учета российской действительности. Взгляды основоположников марксизма на религию и церковь были чрезвычайно критичны. В работе «Анти-Дюринг» Ф. Энгельс писал, что «всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в повседневной жизни».<sup>1</sup> В 1906 г. В. Ленин указывал: «Мы создали свой союз РСДРП, между прочим, именно для такой борьбы против всякого религиозного обмана трудящихся».<sup>2</sup>

Советское политическое руководство вело наступление на РПЦ по трем направлениям: идеологическому, экономическому и вмешательству во внутрицерковные дела. Два первых, наиболее значимых, начали проводиться в жизнь сразу после перехода власти в руки большевиков в Петрограде. РПЦ, как сильный идеологический противник, резко выступавший против насильственных действий, представляла мощную оппозиционную силу, располагавшую экономическим потенциалом. Для удержания власти большевики вынуждены были принять экстренные меры по минимизации пропагандистских возможностей православного духовенства и изъятию материальных ценностей. В начале 1920-х гг. руководство партии и ВЧК для усиления эффективности антирелигиозной работы разработали план раскола РПЦ изнутри посредством морального разложения части духовенства и раздела его на несколько враждующих групп. Три эти основных направления, в зависимости от внутривнутриполитической ситуации, поочередно превалировали в антирелигиозной деятельности советских партийных и государственных органов.

Атеистическое наступление советского политического руководства в годы гражданской войны и интервенции имело ярко выраженный репрессивный характер. Лидеры большевиков предполагали стремительными административными методами на протяжении года — двух покончить с религиозностью населения. Основной пропагандистский удар комиссары стремились нанести по авторитету духовенства. Однако яркое очернение в сочетании с политическими гонениями священнослужителей в действительности не умаляли влияния Православной церкви на верующих. У клириков создавался ореол мученичества, весьма почитаемый в христианстве. Насадить социализм штурмовыми методами не удалось. «Богоборство» и «попоедство» не привели партию к решению одной из главных задач программы. Многие лидеры РКП(б) к концу 1921 г. утвердились в мысли, что борьба с религией и церковью будет тяжелой и длительной, и что необходима корректировка курса. В решениях X–XII съездов партии просматривается поворот от прямой конфронтации с религиозными организациями и духовенством к укреплению разъяснительных усилий среди верующих. Основным антирелигиозным оружием должна была стать пропаганда материализма, проникнутая идеями воинствующего атеизма. Для осу-

исполнения данного решения компартии необходимо было провести ряд мероприятий, в первую очередь в системе образования. В программы всех школ, педтехникумов и вузов в обязательном порядке вводились вопросы естествознания с четко обозначенным антирелигиозным подтекстом. Все ответственные партийные, советские, государственные работники должны были проходить обязательную стажировку на двухнедельных, двухмесячных и прочих курсах, во время проведения которых антирелигиозной пропаганде отводилось значительное место. Атеистическому воспитанию должны были служить регулярные лекции, доклады, диспуты в школах, на фабриках и заводах, в учреждениях. Однако к середине 1920-х гг. подобная деятельность не привела к значительным результатам. Работа по распространению атеизма тормозилась по причине недостатка ответственных антирелигиозников, квалифицированных лекторов и докладчиков, ограниченности средств на издание соответствующей литературы. На местах основное внимание руководства уделялось решению социально-экономических проблем. Даже среди членов компартии наблюдался высокий процент религиозности.

Начавшееся с 1921 г. усиленное наступление материалистической естественнонаучной пропаганды наталкивалось на нежелание большинства населения менять свои устои, веру отцов, и не приносило ожидаемых результатов. Одной из главных причин этого была узость социальной базы потенциальных атеистов. Наиболее действенной формой проведения антирелигиозной работы в агитпропотделах партии считали кружки при фабриках, заводах, учреждениях и т. д. Без общего руководства они быстро распадались, поэтому в высших партийных кругах приняли решение развернуть начавшееся антирелигиозное движение во всесоюзном масштабе. Для объединения всех атеистически настроенных сил создавался Союз воинствующих безбожников (далее – СВБ), в котором должна была сконцентрироваться вся антирелигиозная работа. Наряду с главной задачей распространения атеистического мировоззрения на массы, у «безбожников» очень остро стоял вопрос об их численности. К апрелю 1927 г. СВБ в БССР насчитывал 4506 членов союза и состоял преимущественно из представителей учащейся молодежи и служащих.<sup>3</sup>

Основной причиной слабости антирелигиозной работы, наряду с нехваткой квалифицированных кадров и атеистической литературы, являлось экономическое положение страны. В республике существовала проблема безработицы, особенно среди молодежи. В 1927 г. значительно ухудшилось положение с обеспечением населения товарами повседневного спроса, в первую очередь хлебом. Политическое руководство страны осознавало, что ключевой проблемой в процессе атеистического воспитания является уровень жизни человека, его быт. По-

скольку ни один из этих вопросов решен не был и перспективы их реализации в ближайшем будущем не просматривались, многие антирелигиозники единственно действенным способом продолжения борьбы с религией и церковью считали жесткие меры: закрытие храмов, арест и высылка неугодных церковных иерархов и священнослужителей, запугивание верующих и т. д.

В.И. Ленин полагал, что Русская Православная Церковь рухнет, как только отнять у нее экономический базис. Одним из первых законодательных актов большевиков — декретом «О земле» от 26 октября 1917 г. — РПЦ лишалась своих монастырских и церковных угодий со всем инвентарем. Декларация прав народов России от 2 ноября 1917 г. лишала Православную церковь статуса государственной.

Поскольку Православная церковь не могла принять жестких мер большевиков, а патриарх Тихон и некоторые другие иерархи церкви выступили против гражданской войны, РПЦ и консолидировавшиеся вокруг нее силы представляли угрозу для Советской власти. Это обстоятельство ускорило разработку и принятие 20 января 1918 г. декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Положениями декрета церковь лишалась всех своих материальных ценностей и прав юридического лица. Параллельно с процессом сужения экономического базиса РПЦ шел процесс физического уничтожения священнослужителей, их семей и наиболее активных прихожан. Подобные действия властей вызывали недовольство православного населения. К весне 1918 г. на защиту церкви встали интеллигенция, представители свергнутых классов, многомиллионное крестьянство. Если оно в целом поддерживало меры экспроприации церковно-монастырской собственности, то совсем по-другому относилось к введению гражданской метрикации, лишения прихода абсолютно всякой собственности и устранения из школы Закона Божьего. Для решения церковных вопросов 8 мая 1918 г. был создан VIII отдел Наркомата юстиции (НКЮ).<sup>4</sup>

Противоречивые постановления советского руководства не способствовали конструктивному решению вопросов противостояния между комиссарами и духовенством. С одной стороны, НКЮ и лидеры компартии заявляли о недопустимости какого-либо произвола и прямого «оскорбления чувств верующих», с другой — практически ничего не делали для нормализации положения. Беларусь с 1917 г. по 1920 г. находилась в прифронтовой зоне, оккупационные войска не церемонились и в отношении святынь. Во время же освобождения центральной Беларуси от поляков в июне 1920 г. ЦК КП(б)Б постановил: «На освобожденных территориях, дабы приобрести доброжелательность местного населения, нельзя допускать ничего такого, что могло бы возбудить крестьян против Советской власти и ее руководителей».<sup>5</sup>

Наметившееся в 1920 г. затишье на антирелигиозном фронте прервали события на юге РСФСР. Засуха в 34 губерниях грозила голодной смертью почти трети населения страны. Церковь, уже имевшая свою организационную структуру, стала в центре событий, связанных с организацией помощи голодающим Поволжья. Действуя быстро и эффективно, общественный Всероссийский комитет помощи голодающим во главе с патриархом Тихоном сумел достичь значительных результатов и завоевать авторитет у народа. Такое положение вызывало недовольство властей. 27 августа 1921 г. Всероссийский комитет помощи голодающим декретом ВЦИК был распущен. Вместо него начала функционировать государственная Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИКе.

С начала января 1922 г. в прессе и на собраниях партийцев, служащих, красноармейцев усилились требования привлечь церковные богатства для помощи голодающим, а 23 февраля 1922 г. ВЦИК издал декрет о насильственном изъятии церковных ценностей на нужды голодающих. 1 марта Президиум ЦИК БССР постановил присоединиться к данному постановлению ВЦИК.<sup>6</sup> Тем же постановлением создана Белорусская комиссия помощи голодающим, которая довела руководителей всех конфессий о готовящихся мероприятиях властей. Епископ Мелхиседек от лица православного клира и прихожан Минской епархии заявил о своем согласии с мероприятиями большевиков и пообещал оказать максимальное содействие в деле помощи голодающим. В целом по республике изъятие церковных ценностей проходило без эксцессов. Православные храмы были бедны. В итоговом отчете ЦК Помгола Центральной Белорусской комиссией по изъятию церковных ценностей зафиксированы следующие данные: серебро — 30 пудов 15 фунтов 52 золотника 5 долей, золота — 21 золотник 28 долей, жемчуга — 12 золотников, бриллианты — 45 шт. 29/32 карата, медных монет — 33 фунта 27 золотников 54 доли, драгоценные камни — 52 шт.<sup>7</sup>

Церкви был нанесен сильнейший удар. Но главной потерей были человеческие жертвы. На территории БССР по обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценностей был уничтожен 201 священник, в то время как был зарегистрирован только один случай открытого сопротивления православного клирика комиссии Помгола.<sup>8</sup> На местах антицерковную политику в основном осуществляло НКВД, руководство которого предлагало сосредоточить все дело по отделению церкви от государства в их ведомстве. VIII отдел НКЮ все более превращался в экспортно-консультативный орган.

После пяти лет политических гонений и агрессивной атаки во время изъятия церковных ценностей РПЦ, не располагая прежними материальными ресурсами, все же практически полностью сохранила свою

систему управления, религиозные приходы функционировали, а церковноприходские советы налаживали их деятельность даже в условиях сильного давления со стороны властей. Руководство страны, ответственные антирелигиозники отчетливо представляли себе и понимали, что необходимо создать комплекс мер, максимально ограничивающих экономическую и хозяйственную деятельность священников и околоцерковных кругов. Стратегической в деле разрушения РПЦ была задача дробления Православной церкви на отдельные противоборствующие части. Зародившееся с согласия высшего политического руководства страны в начале 1922 г. «обновленчество» должно было не только расколоть церковь на части и скомпрометировать православных клириков, но и полностью подчинить священнослужителей решениям властей.

Начавшаяся в 1922 г. перерегистрация всех «обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли», позволила властям не только установить контроль над деятельностью православных религиозных общин, но и существенно сократить их численность. Духовенство подвергалось всякого рода штрафным санкциям и притеснениям семейно-бытового характера. Церковноприходские советы находились под постоянным прессингом партийных и государственных органов. Религиозные общины должны были платить чрезвычайные налоги и страховые сборы. На местах часто нарушалось и без того жесткое антицерковное законодательство (заккрытие храмов, завышение в несколько раз суммы налога за постройки, имущество и землю). Нехватка финансовых средств должна была привести к резкому сокращению количества приходов, износу зданий и построек, к невозможности отправления религиозного культа. Однако к 1927 г. религиозные организации и церковноприходские общины продолжали функционировать, а в 1926–1928 гг. даже наметилась тенденция их роста.

### **ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:**

- 1 Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. М., 1957. С. 357.
- 2 Ленин В. И. Социализм и религия // Полн. собр. соч. Т. 12. С. 145.
- 3 Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ), ф. 4, оп. 7, д. 101, л. 252.
- 4 Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 61.
- 5 НА РБ, ф. 4, оп. 21, д. 74, л. 117.
- 6 Там же, ф. 93, оп. 1, д. 450, л. 1.
- 7 Там же, л. 218.
- 8 Новые мученики российские: В 2 т. / Сост. М. Польских. Джорданвилл, 1949. С. 214.